

18+

Е. Е.

Жил-был стол...

совсем другие истории

Е. Е.

Жил-был стол...
Совсем другие истории

«Издательские решения»

Е. Е.

Жил-был стол... Совсем другие истории / Е. Е. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536962-8

«На первый взгляд, герои этой книги — состоявшиеся, даже — успешные, мужчины. Всё в их жизни сложилось — семья, карьера, друзья. И никто не догадывается, что каждый день они начинают жизнь словно с начала, с чистого листа, задавая себе вопросы — кто я? И — зачем я тут? Обрывки событий, переживаний, впечатлений, мыслей и сомнений. Вроде бы простые по сюжету рассказы заставляют нас возвращаться к чему-то, казалось, давно забытому, но очень важному. А ещё они оставляют веру — всё можно изменить».

ISBN 978-5-00-536962-8

© Е. Е.

© Издательские решения

Содержание

Петров. Совсем другая история	6
Мой Питер	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Жил-был стол... Совсем другие истории

Е. Е.

Редактор Елизавета Ульянова

Корректор Екатерина Федорова

Фотограф Дарья Касатская

Дизайн обложки Александр Грохотов

© Е. Е., 2021

ISBN 978-5-0053-6962-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петров. Совсем другая история

Колонною по четыре все десять когорт моего легиона входили в ущелье. Там, в сумраке, их алые плащи тускнели и напоминали бурые пятна крови на сухой земле.

В суровых лицах воинов была готовность умереть, но не было надежды победить. И я должен был сказать им несколько слов, прокричать что-то важное. Но эта дура всё ползала на коленях у моих ног, хватала за руку и тянула, тянула. Растрёпанная, изодранная, с невыносимо прозрачными глазами. Что-то кричала про слона, про нашего ребёнка. Но из-за грохота пяти тысяч мечей, ударявших о нагрудную часть лорики¹, я ничего не слышал...

Слон, нереально огромный, в самом деле возвышался над ущельем, где-то там – за поворотом. Стоял задом к когортам², и было непонятно – как они всё идут и идут и не упрутся в него, не остановятся... Они шли и шли, растянувшись на целый километр, а я всё никак не мог отбросить её и сказать им что-то, что должно изменить бессмысленность и обречённость их марша. Я схватил её за волосы, хотел отшвырнуть, и тут слон обернулся. Я увидел его глаза, словно он был совсем рядом. Увидел своё отражение в черном зрачке – маленького императора на залитой солнцем каменистой площадке над пропастью, за которой ничего уже нет – ни земли, ни воды, ни Вселенной. Маленького, одинокого. Держащего в руке гладиус³... И уже нет рядом этой сумасшедшей. Только ветер треплет плюмаж⁴ на моём шлеме... И пустота позади...

Я смотрю и смотрю. А когорты идут и идут, будто он и не преграждает им проход. И грохот, и солнце сияет в сегментах доспехов. А мы смотрим друг другу в глаза. Я и он. И для него самое важное – мы. Только у меня позади пустота. И когорты ждут моих слов.

А потом раздался его рёв! Сразу – вокруг! Внутри! Повсюду! Казалось, кроме этого рёва нет ничего!!! Слон был во мне – огромный, ревуший. Он разрывал мне голову... замолкал и снова взрывал меня изнутри...

...Пока я не открыл глаза. Нетвёрдой рукой поднял с пола пиликающий телефон. Стены комнаты шатались, а солнце в окне то вспыхивало, то гасло.

Рингтон телефона был единственной реальной частью мира, как-то пробившейся ко мне. С первого раза нажать на нужную кнопку не удалось. Я лежал на кровати и думал – скоро он зазвонит опять, но у меня есть несколько минут покоя. Какое счастье!

– Уже? – и голос, и вопрос Ольги проносятся мимо, не оставляя в сознании ничего. Я лежу. А вот и снова звонок. Кое-как нажимаю и, видимо, издаю какой-то звук, который на том конце кто-то воспринял как человеческую реакцию – во рту пересохло и губы слиплись.

– Да, здравствуйте. Я уже подыхав. Вы скоро спуститесь?

Элементарная вежливость по отношению к ожидающему и, судя по голосу, немолодому мужчине заставляет ответить:

– Через пятнадцать минут.

– У меня белая «газель». Прямо напротив ворот. Не ошибётесь.

– Спасибо.

Откидываюсь на подушку. Надо суметь встать. А зачем? Кто это?!

– Тебе сделать кофе? – Ольга заглядывает в комнату.

– Не.

– Может, хоть чаю? Как же ты поедешь?

¹ Лорика (сегментата) – доспех из металлических сегментов, защищающий торс и частично плечи. Использовался в римской армии примерно с конца Республики по III-й век н. э. *Прим. ред.*

² Когорта – в Древнем Риме: отряд войска, десятая часть легиона. *Прим. ред.*

³ Гладиус, или гладий, – римский короткий меч (до 60 см). *Прим. ред.*

⁴ Плюмаж – украшение из перьев на головных уборах и конской сбруе. *Прим. ред.*

Смотрю на неё. Похоже, она знает о сегодняшнем дне больше, чем я. А что знаю я?.. Суббота... июнь... Это всё. Зато из вчерашнего... какие-то деньги на полу в ресторане... пятитысячные купюры... кто-то их собирает... рука... Мужская? Женская?.. И совсем из утреннего... этот Жан Габен произносит: «...на основании всего вышеизложенного применить наказание, не связанное с лишением свободы...». Но это всё вчера... А сегодня?

По дороге в душ несколько раз сильно качнуло. А ещё больно ударился о косяк двери. Зато не упал. А главное – хватило ума не лезть в ванную. И словно со стороны картина: я под холодным душем... почему-то в рубашке... плачу... что-то объясняю... И стыдно так – и за то, о чём рассказываю, и за то, что вообще рассказываю всё это... И даже сейчас стыдно... И рука Анны... вроде как гладила меня?.. «Нет, Петров, нет»... А такси было? Ведь как-то попал домой?!

– Может, костюм не стоит?

Я смотрю на Ольгу. Но всё, что я могу понять по её вопросу, – я еду не на работу. А куда?!

Ольга выходит вслед за мной в коридор. Протягивает конверт, улыбается.

– И как ты поедешь? На, самое главное забыл.

Я убираю конверт во внутренний карман. Толстенький такой.

– Как доедешь – напиши. Ладно? И с дороги пиши.

– Обязательно, – я целую её в щеку. Сам чувствую, какой от меня перегар.

– А рубашка? – говорю я. К чему говорю?!

Ольга обнимает меня.

– Ну пожалуйста. Ну извини. Всё ведь хорошо прошло вчера?

– Да, – но я не понимаю, к чему весь этот наш диалог. Просто всплыло – рубашка. Что-то очень важное.

Лифт спускается невозможно долго. На самом деле он спускается как обычно. Просто в нём невыносимо воняет, и сейчас меня стошнит. На самом деле в нём воняет не больше, чем обычно. Просто у меня страшное похмелье, и если сейчас же мы не... Доехали. Слава тебе, Господи!

Чтобы выйти к дороге, мне нужно пройти сквозь глубокую арку дома. И я бы получил удовольствие от вечно свежего ветерка в ней, если бы не то, что я увидел в конце – прямо на улице. А там стоял мужчина. Возле него белая «газель». С высокими бортами. Но это неинтересно. Интересно было другое: там, в белой «газели», за высокими бортами стояла корова. Не сбавляя шага, я с надеждой посмотрел налево, направо. Напрасно. Там не только белой «газели», там вообще никаких машин не было. Выбеленный утренним солнцем асфальт, свежезелёные газоны. Какая-то пара прогуливает своего добермана. А так – всё как прежде: небо, солнце, дома... Никаких шансов.

– Так, – сказал я, по-хозяйски хлопнув ладонями по борту машины. Что делать и говорить дальше, я не знал.

Мужик молчал. Пауза затягивалась. Смотреть по сторонам было глупо. Я заглянул в щель борта. Корова была рыжей и, по-моему, упитанной. Запах дерьма, наваленного в кузове, бодрил.

– Хорошая корова, – сказал мужик, также заглядывая в щель, а потом поворачиваясь ко мне, – ваша хозяйка будет довольна.

Я посмотрел на него. Водитель как водитель. Лет пятьдесят. Усы. Загорелое лицо. В общем-то, вполне симпатичный дядька.

Я ещё раз окинул взглядом всё вокруг. Как сказать ему, что он ошибся? Номером телефона? Улицей? Наверное, городом? А может, и целой эпохой?! Что корова, Москва, июньское утро, суббота и адвокат, то есть я, – никак не совместимые вещи?!

Но... была Ольга. Она что-то знала об этой поездке. Ждала её. Собирала меня. Знала, что мне нужны будут деньги...

Я ещё раз заглянул в кузов. Там, за ногами коровы, узловатыми такими, крепкими, в большой клетке были два поросёнка. Розовые с чёрным.

– А это что? – спросил я.

– Это? Так поросёя вже... Сергей Сергеичу сказав, шо ви больше дали... так от вот.

– Вы из Беларуси?

– Нии. З Украйны.

– Понятно. Ну, я тоже хохол наполовину.

Сергей Сергеевич, значит... Что-то смутное... седой такой... крепкий... в баре... и там же я деньги выронил, да?! Кто-то помог собрать... но это уже не при нём...

Корова повернула голову, и наши глаза встретились. Её – глупые и добрые. И мои – наверное, тупые и уставшие.

Когда-то давно я два года жил в деревне у деда. На Украине как раз. У него тоже была телушка. Совсем молодая. Даже рогов толком не было. Помню, она стоит в саду. Под белым наливом. Лето. Самое начало. А я кормлю её зефиром в шоколаде. Достаяю из коробки и кормлю. У неё длинный шершавый язык и холодный сопливый нос. Но он не вызывает никакой неприязни. Зефир передали родители с посылкой. А я весь скормил. Ну не знал я – московский мальчик из вполне себе обеспеченной семьи, – что здесь, в глубине Малороссии, это не просто дефицит. Это – роскошь! Вот досталось мне... Зато я помню её глаза. Никогда с тех пор и до сегодняшнего утра мне как-то не довелось заглянуть корове в глаза. А у них у всех они – глубокие, печальные. Как будто постигли недоступную иным правду жизни. Такие глаза бывают у моих друзей-евреев, когда заходит разговор о национальном вопросе, о том, кто виноват, что всё так плохо... или о том, в чём смысл жизни.

И вот, спустя двадцать пять лет, я снова встречаюсь взглядом с коровой. И снова этот взгляд – очень тёплый. Успокаивал. Говорил, что в том, что происходит, есть какой-то смысл. Очень важный.

– Корова правда хороша. Документы принести? Будэтэ бачить?

– Нет, – я ещё раз хлопаю по борту. Корова дергает ухом и отворачивается. Поросята похрюкивают. Зоопарк какой-то. Какие документы? Мне бы понять, зачем всё это? Почему – именно мне?! И куда это везти?! А он про документы... Я даже примерно не знаю, как они выглядят-то!

Выручает звонок телефона. Правда, совершенно незнакомый номер.

– Да?

– Доброе утро. Как ощущения?

– Доброе... Ничего так. Могло бы и получше быть.

А вот голос знакомый. Мужской. Сильный, густой. И смутно – лицо его хозяина, тяжёлое, загорелое, с крупными морщинами. Смеётся. И улыбка хорошая. Хотя и снисходительная.

Он смеялся вчера, откидываясь к барной стойке.

– Так всё же?! Корова? Или рубашка? А? Ну ты и живешь!

И похлопывал меня по плечу. И я сам над собой смеялся – так глупо выглядел этот мой рассказ. Смеялся и ощущал, какой же уже пьяный: лицо горит, слова вроде и движутся, но я сам понимаю, как их много, как они спотыкаются, как уводят мою мысль в сторону. И как неубедителен весь это мой рассказ – про обиды, проблемы. Про жизнь. Всё ведь на самом деле так легко.

– Ну и что? – говорю. – Мне всего-то три дня нужно. Это не проблема. Вот в понедельник... сегодня пятница?.. Суббота... Да, в понедельник всё и сделаю.

– Почему так долго? Три дня?

И я очень доходчиво, хотя наверняка путано и сложно, рассказываю. Про какие-то там эксперименты-исследования. О которых прочел в Men's Health... или ещё где-то? Про наши

желания, клятвы... Суть, в общем, в том, что если мы не приступим к осуществлению задуманного в течение семидесяти двух часов, то уже не приступим никогда.

– Ну что? Не передумал?

Я долго молчу. О чём я должен передумать?.. Видимо, он как-то не так понимает эту паузу, потому что говорит:

– Знаешь, а я рад. Ты молодец. Корова, кстати, хорошая.

И этот о корове. Мне, наверное, уже без всяких там документов нужно поверить, что она хорошая, и смириться с тем, что сегодня все будут о ней говорить... Хотя... корова?! Точно! У него же я и купил!

Он сказал:

– Зачем ждать? У тебя и корова, и с рубашкой разбираться надо. И ещё что-нибудь случится. Завтра?!

– Завтра... что?

– Завтра корову и верни. Я тебе привезу.

Чушь, конечно. Но я смеюсь и отдаю деньги. Как раз пятьдесят тысяч... Ну и пусть, думаю, меня кинут. Я кидаю, пусть и меня кинут теперь, хотя бы я об этом догадываюсь. Всё равно – какое-то облегчение. Какая-то справедливость в этом есть... Мне бы ещё от остальных избавиться... Лох ты, лох... Я оглядываю зал. Все они тут такие – кидалы и лохи. Только постоянно меняются местами... Почему всё так отвратительно в этой жизни?!

А потом я встречаюсь глазами с Сергеем Сергеевичем. А вот он не кинет. Он – серьёзен. Неужели всё это будет?

– Будет. Конечно, будет. Завтра в девять будет у тебя корова. Готовься.

– Обязательно.

– Может, тогда хватит на сегодня? – он кивает на стакан, который я никак не выпущу из руки.

– Да... сейчас... Вас вот провожу... потом чашку кофе и домой... Завтра? Утром?

– Да. В девять.

Он кивает бармену:

– На мой счет.

Направляется к выходу. Я хочу его проводить. Только бы вот не упасть, сука.

Да. И я отдал деньги. Но не помню. Хотя, конечно, отдал. Иначе откуда это всё?

– Ты доедешь – перезвони всё же.

– Да. Конечно.

– Ну, удачи тебе.

А что же я ему про корову-то говорил? А?!... Что, если бы знал, никогда этих денег не взял бы... Да! Точно! Она продала корову!!! Это она уже потом рассказала. Когда уже вышли после приговора, стояли за углом здания суда.

И она рассказывала. Всё держала в руках конверт – такой, уже изрядно замызганный, но толстый. Перехваченный резинкой. Говорила, что они с мужем корову продали. Машину какую-то, старенькую шестерку, ещё что-то. Ещё что-то заняли, и всё равно не хватало. Хорошо, половину дал кто-то из местных, как я понял – бывший председатель их колхоза. Ну, тоже, наверное, правдами и неправдами скупил там все паи – что ж теперь с барского-то плеча не бросить?! Взаимы же, небось? Говорила она это всё мне, но вроде как и сыну. Долго, сбивчиво. Тыча его в грудь, какой он обалдуй, и тряся этим конвертом. Так она и обращалась – то ко мне, то к нему. Ещё что-то рассказывала про жизнь раньше. Как муж был агрономом. Как всё хорошо было. Уважаемая семья. Всё у них есть. Как сын сразу после школы поступил в институт. Да что-то там с кем-то связался... как я понял, какие-то спекуляциш, не то театральными билетами, не то кроссовками. Или и тем и другим. А в восемьдесят пятом с этим было ещё очень строго. Так оно как-то всё и пошло дальше – хуже и хуже.

И вот теперь я стою и вынужден слушать все эти причитания. Оно мне надо? Мне конверт нужен! Но приходится слушать – это всякий раз неизбежно – сокрушенно кивать, с понимающим видом поглядывать то на своего подзащитного, то на его родственников. Говорить что-то дежурное. Ну а как? Нужно делать вид, что проникся их бедой. Это вежливость, это тактичность. Этому учили на занятиях начинающих адвокатов. Я понимаю, что она отдаст этот конверт. Все они отдают, особенно когда, как сегодня, всё прошло удачно. Но давно заметил: аванс дают легко. А вот остальное... тянут, тянут... не выпускают из рук. Вроде как, пока деньги у них, это ещё их деньги... А ещё я понимаю другое: с кем ей поговорить, как не со мной?! И я слушаю. Мне надо бы что-то сказать. А я даже не знаю, как к нему обратиться. На «ты»? На «вы»? Мы с ним всего-то несколькими фразами перекинулись. Все документы мне мать принесла.

– Владимир, видите, как всё это тяжело. И... это тебе ещё повезло, условно дали. Хорошо, судья проникся, выслушал меня.

И уже ей:

– Ну сами видите – не зря я к нему ходил... И это всё не зря, – киваю на конверт.

Она отдает его. Всё.

– Мне надо ещё зайти... сами понимаете, – и я ухожу.

Или нет? Уже когда свернул за угол, направился к подъезду суда – типа я же должен рассчитаться (ещё один блеф, непременный и очень важный штрих во всех этих разводах: должны видеть, что я рассчитываюсь за помощь и понимание), она окликнула меня... Что сказала-то? Ведь я же вернулся?! Да? А что? Что-то важное... я же точно вернулся...

– Ну шо? Поедем? То ж пробки будут.

Надо же, как он говорит... Да, наверное, надо ехать. Тем более что я, по крайней мере, вспомнил, что это за корова. Зачем она мне... И почему я её купил... Вспомнить бы остальное.

Сажусь в кабину. Ничего так. Просторно. Чистенько. Впрочем, у водителей Сергея Сергеевича по-другому и быть не должно. Так мне кажется. Правда, навозом и здесь пованивает. Но мне нравится.

– Скоро доедем?

– Часиков пять. А то и больше. Пробки же. Да и со скотиной быстро не выйдет.

– Мы же в Камешки? Дорогу знаете?

– По карте смотрев...

Интересно, как эти Камешки выглядят? Вот точно – две улицы. И на перекрёстке фонарь... Странное название. Вроде и красивое. Мягкое. Уютное. Но на меня нагоняет тоску. Есть такие города – одним названием убивают. Саратов. Тамбов. Пенза. Вышний Волочек... что-то безнадежно провинциальное... там и жизни-то, по-моему, никакой нет... Вот только коровы да гуси... Корову они продали? И что?!... Я здесь при чём?!

Я закрываю глаза и откидываюсь на сиденье. Буду спать... Я же верну им корову? И хватит об этом...

...Камешки...

...Володя...

...Корова...

...Камешки...

...Да он и сам, как корова... сидел там вчера, смотрел в одну точку. Мне кажется, он и не понимал вовсе, что там говорилось, что делалось... Рот приоткрыл, губы свесил, вот только ещё язык не вывалил. Дебил дебилом. И вляпался по-дебильному. На глазах у всех зацепил мобильник. На что рассчитывал?.. И как я его только вытащил?!

...Шансов ведь не было никаких... Я обещал ей условно. А теперь понимал – невозможно! Не было в жизни этого сорокалетнего Володи из Камешков ничего, за что можно было уцепиться! Ни болезни его или его родителей, ни малолетних детей, ни отличной службы в армии,

ни подвига на пожаре, ни отзывов с работы, ни ходатайства коллектива... ни-че-го!!! И прокурор оттарабанил свою речь убедительно, складно, хоть и по бумажке. И сидел сейчас довольный, наверное. Крепкий такой, коротко стриженный. Спортсмен. А на самом-то деле ведь – троечник. Во всем середняк! Глаз от бумажек своих не оторвал. Но он молодец, и речь его убедительна. А у меня – дипломную работу оставили, как образец, на кафедре, и заместитель Председателя Верховного Суда после защиты диплома сказал мне: «Вас ждет настоящая карьера...». Но сейчас мне сказать нечего... и я смотрю на этого прокурора, как он копается в бумагах – должно быть, к следующему процессу что-то вспоминает. Смотрю, как он отмахивается от колышущейся занавески, которая раздражает его. Смотрю на безвольного идиота Володю. Смотрю на мать его. Её красные воспалённые глаза. И по-моему, она тоже ничего уже не понимает... А мне нечего сказать... Я не знаю, как его защищать... А Жан Габен пишет... Я сразу назвал его про себя Жаном Габеном... Ну, такое лицо у него было... спокойное... умное... Почему-то было сразу ясно – сильный судья. Настоящий... Он бы услышал... — да я не знаю, что сказать. И стыдно невозможно... Я снова оглядываюсь... прокурор читает... судья пишет... Володя хлопает глазами... мать его мнет платок в руках... девочка сзади – потерпевшая – что-то там чатится в телефоне... а я молчу...

– Это только я ничего не слышу? – его честь Жан Габен даже не поднял на меня глаза.

Я молчал. Через пять секунд прокурор оторвался от бумаг. Я молчал. Володя посмотрел на меня... Я молчал... Посмотрела на меня его мать... Я молчал...

– ? – судья поднял на меня голову. – Защита... это какой-то новый способ? Сразу скажу вам – не очень эффективный.

Прокурор заулыбался с чувством превосходства. Я ненавидел его... И я сказал.

– Я прошу справедливости, ваша честь.

– Интересно... Какие у вас сомнения?

– С вашего позволения, серьезные... Я ещё не выступил... ещё не сказал последнего слова подсудимый...

– Та-а-а-ак... и что?

Мне нечего было терять. Как бы я ни выступил, что бы ни сказал, такой судья не отыгрался бы на подзащитном. Да мне вообще не приходилось видеть таких, кто своё раздражение на адвоката вымещал бы на подсудимом... И я сказал то, что думал... На самом деле – сказал то, что думал на каждом процессе. О чем знал... Знал любой адвокат по уголовным делам... Мне правда нечего было терять... И Володе нечего было терять – пять лет в речи прокурора выглядели очень убедительно. Абсолютно справедливым наказанием.

– ...А вы уже пишете приговор... если я не ошибаюсь...

Я поддел его. По раздражению на лице вижу – точно! Попал!.. Он отложил ручку. Откинулся в кресле... Но он сдерживает себя. Чёрт возьми! В этом дядьке есть что-то честное.

– Я слушаю вас. Что там со справедливостью?

Я открыл глаза. В висках стучало. Руки тряслись. Я снова был там. Мне просто хотелось сделать паузу. А потом окунуться в те несколько минут. Моего триумфа. Победы! Безупречно разыгранной карты! Пережить их, как настоящие... Я всё знал. Но был готов ощутить всё это, как наяву. Впервые...

– Я покурю?

– Конечно. Тильки окно откройте. Сам я некурящий просто.

Я сделал несколько затяжек. Приятно, черт возьми... Кровь стучала, как сутки назад... Память тянула в прошлое утро... Я знал, что делать!!! Сейчас!!! Всё получится!.. Я ещё раз затянулся и отпустил себя... я – снова там...

– Справедливость в том... что из обвинения нужно исключить квалификацию содеянного «как крупный ущерб»!

Прокурор сделал стойку. И сразу стал похож на сову. Глупую и лупоглазую... Жан Габен впервые взглянул на меня с интересом.

– Девушка! – я обернулся. – Девушка! Кто вам подарил этот телефон, в который вы играете? Это «Верту»?!

А у неё отнюдь не глупый взгляд. Просто растерянный. Ну, давай! Не подведи меня!

– Кто вам его подарил?! Сколько он стоит?! А тот... что у вас украли?! Айфон?!

Я сыпал вопросами! Времени не было! Сейчас меня прервут! Хорошо, этот идиот, хоть и понял, что что-то пошло не так... но что именно – ему ещё нужно время! Троечник ты! Троечник!!! Никогда ты не будешь хорошим юристом!

Но всё же он взвизгивает со своим протестом.

– Сейчас уже нельзя допрашивать никого! Я протестую! И вообще... мы уже всё выяснили! И цену! И за подарки... Зачем?

Ах, красавчик! Бумажки-то на этот случай нет у тебя! «За подарки» – тоже мне, гособвинитель!..

А потом была тишина... Тихо-тихо... Я слышал, как проезжали редкие автомобили на улице... как жужжала муха, то приближаясь к центру зала, то отлетая к углам... Я ждал... или получилось у меня... или нет... Сколько будет тянуться эта пауза?

Я посмотрел на прокурора. Кажется, он успокоился. Сел. Но всё смотрел на меня и хлопал глазами... Я посмотрел на его честь – председательствующего в заседании. Он молчал... У него был тяжёлый взгляд. Но я чувствовал – он точно понял меня... О чём он думал? О том, что всё пошло не так?! И нужно вникать в какие-то новые обстоятельства?! А приговор уже почти написан... А может, всё же о справедливости? О том, что потратить часа полтора на то, чтобы переписать текст, – это не так уж и много?!... Какой же у него взгляд... Я отвернулся. Мне не хотелось его раздражать. Тем более что всё теперь действительно в его власти.

И прозвучал, словно нехотя, его голос...

– Протест принимается. Защита не может задавать вопросы в этой стадии процесса.

Прокурор расправил плечи. Расправил их и я. Только он – от гордости. А я – как на расстреле... И даже муха где-то затаилась.

А Жан Габен повернулся ко мне. Ещё несколько секунд смотрел мне в глаза, а потом сказал:

– Но суд вправе во всякое время задавать вопросы участникам процесса... Потерпевшая... подойдите.

Я опускаю голову... и жду... Я – один сплошной слух...

И ещё... чем бы этот допрос ни кончился... спасибо тебе, Жан Габен... Знаешь, умирать буду – буду помнить... был в моей жизни настоящий судья... Моё вам почтение, Ваша честь...

А девушка отвечает на вопросы. И она совсем не дура. И что я так ненавижу её?! Ну богатые у неё родители... она-то чем виновата?!

Да, этот телефон подарил отец... и тот – тоже... Да, на следующий день... Сказал, не расстраивайся, будет лучше... Нет, она не знает точно, сколько они стоят... Ну «Верту» примерно тысяч двести... он золотой... А тот... Правда не знаю... Следовательно сказал – пятьдесят тысяч... Да, он сказал, что это по-любому крупный ущерб... Да, поэтому я и написала... Папа?... Папа – совладелец строительной компании... двух... Нет, с собой у меня не много денег... тысяч пятнадцать... ещё есть карточка... да... там очень много... Да, «Ягуар» внизу – моя машина... Ну папа купил, конечно...

Она идет на своё место. Я провожаю её взглядом. Симпатичная девушка. Честная. А большего от неё и не надо...

– Защита удовлетворена ответами потерпевшей?

– Да, Ваша честь...

– У вас есть что ещё сказать?

– Нет, Ваша честь... Защита рассчитывает на вашу справедливость.

Он кивнул...

Он кивнул мне ещё раз. Уже после приговора. Условный срок. Крупный ущерб исключен... Прокурор выходил – играл желваками. А я стоял... смотрел, как Жан Габен собирает бумаги. Как встает. Идет в свой кабинет. И уже открыв дверь, он обернулся и снова взглянул на меня... и кивнул... едва заметно... И я понял... Это был поклон... уважение... Я – достойный защитник... Благодарю, Ваша честь...

Да, так всё вчера и было. И было хорошее настроение. Я думал, что надо бы догнать девчонку – поблагодарить... что нужно невзначай столкнуться с прокурором и ехидно подмигнуть ему... думал, что такой приговор не отменит ни городской, ни Верховный суд... и жаль, что не было никого из посторонних зевак... тем более не было журналистов – всё же дело необычно обернулось... А потом всё померкло... Она рассказала мне про корову. Корову, которая в такой деревне, как Камешки, – это всё. Корову, которую она продала, и продала ещё много всего другого, и ещё взяла в долг... И меня уже совсем не радовали эти деньги... было стыдно и противно... и хотелось избавиться от них...

Странно, но вчера – когда в баре, совсем пьяный, я рассказывал эту историю, когда отдавал деньги... хоть и чувствовал себя лохом... как-то всё легко было... Легко виделось. Вот приеду... как скажу ей – не знал, но виделось, как она счастлива, как будем вечером сидеть за столом... и будут какие-то гости, ну, кто на самом деле переживал за неё... она будет говорить что-то хорошее, называть меня «сынком»... А почему же сейчас, когда я везу ей эту корову с целой пачкой документов, да ещё и с двумя поросятами... мне так плохо?! Почему?!

Водитель, не отрывая взгляда от дороги, запустил руку куда-то за сиденье. Зашелестел там чем-то полиэтиленовым и вытащил запотевшую банку «Туборга».

– От... Сергей Сергеичу казав купить.

Я беру протянутую мне банку. Надо же... побеспокоился... Всё знает, всё предусмотрел. И чего я с ним тягался вчера?! Во всем он сильнее...

Щелчок крышки. Пена. По банке, по руке. На брюки, как я ни пытался убрать ногу. Зашипела, растаяла, и только крупные капли... вот и впитались... так же и вчера...

...Толчок в предплечье, которого я не ожидал, и хоть стакан не выпал из руки, но виски изрядно расплескался на стол, на руку этой девке и даже на грудь ей... И струйка сбегала по столу как-то так быстро, что я не успел ничего сделать, и она пролилась мне на колени...

Я обернулся. А он вроде как и не заметил – сидел спиной, облокотившись на стойку.

– Уважаемый, ты не мог бы поаккуратнее? – я был пьян, настроение отвратительное.

И он подвернулся очень кстати. Ему-то за весь этот день и достанется.

– Извините, молодой человек.

– А что мне с твоих извинений?!

– Вот это ваше «ты» – уже лишнее. Я же извинился?!

А мне уже и не хотелось драться. И не потому, что было ясно с первого взгляда – против него я не выдержу. Просто он мне понравился. Я смотрел в его лицо – ещё один Жан Габен за сегодня. Понравился его голос, и как спокойно он извинился. Понравился его дорогой темный костюм с расстёгнутыми обилагами. Понравилось, что не было на пальцах перстней, а на шее цепей и крестов. Понравились его спокойный взгляд и глубокие морщины. Понравилась его уверенность. Понравилось ощущение – в этой жизни он всё смог сам... Не как те двое, которые, как бы они ни преуспели, работали на дядю. И тем более не как я, мелкий мошенник.

Девушка соскочила и уже что-то там, возмущённо размахивая руками, рассказывала подругам в углу. Бармен вытер лужу и занимался бокалами. Мужчина сделал глоток виски и отвернулся. Всё двинулось куда-то вперед, а я остался... сидел в неудобной позе, не окон-

чивший разговора, не начавший драки... наливался пьяной обидой за весь этот день, за свои неудачи, за никчёмную жизнь...

Он снова обернулся. Сперва немного – просто взглянуть в мою сторону. Потом всем корпусом. Очень крепкий дядька. Хотя и сильно в годах.

– У вас плохое настроение? Разрешите, я вас угощу виски? Девушечку, извините, вернуть не смогу.

– Я и сам могу себя угостить.

– Таким – нет. Это мой личный запас в этом баре... Саша, налей нам. А той даме сделай коктейль за мой счёт.

Он делает приветственный жест со своим бокалом. А я, как упрямый идиот, делаю вид, что не замечаю, и пью залпом. Виски в самом деле хорош. Очень мягкий. Как называется-то? Но Саша уже наливает мне ещё, и этикетка скрыта его ладонью.

– Спасибо. В самом деле – хороший виски. – Я снова выпиваю и снова залпом.

– Не за что, – он отворачивается. Он вернул долг. Я большие ему не интересен. Я вообще никому не интересен. Ни в этом баре, ни на улице, полной ночного света, где движутся и улыбаются, и куда-то спешат, и счастливы, ни вообще в жизни... Снова чувство ущербности. Как при входе сюда, час назад... Меня окликнули...

Мы вместе учились на юрфаке. Только они специализировались по гражданскому праву. Так же, как и я, сидели по субботам в библиотеке, дожидались выдачи каких-нибудь вестников, монографий, или дореволюционных книг Фёдорова по торговому праву, или чего уж они там ещё ждали и читали. И нам троим было понятно – вот так и надо. Только так и можно стать юристами. Всё у нас получится и всё нам зачтётся... Но когда мы сидели после защиты дипломов, и уже выпили все порядком, и понимали – вот теперь и начнётся всё самое настоящее, и оно у каждого будет своё, я чувствовал по тому, как то один, то другой смотрели на меня, – я лучший. На этом этапе я выиграл. Я – избранный. Со мной разговаривал заместитель Председателя Верховного Суда. Разговаривал как с профессионалом. Выделил из всех. А они просто декорацией стояли вокруг. Их никого не ждало ничего необычного.

А сейчас я разглядывал их строгие галстуки с узлами «виндзор», манжеты с запонками, безупречные прически, часы «Патек Филипп», и меня брала злость. Нет, у меня тоже есть костюмы от Бриони и даже шитые на заказ... но я не могу показаться в них перед своими клиентами. Потому что они ни фига не бизнесмены, обвиняемые в сокрытии доходов. А сирые, убогие, униженные и оскорблённые нищоброды, которые крадут мобильные телефоны, вырывают сумочки, приторговывают по мелочи травой, наносят, находясь в состоянии алкогольного опьянения, лёгкие телесные повреждения сожительницам... И если они или их несчастные папаша, мамаша и жёны увидят меня в таком костюме, они просто встанут и уйдут. Адвокат, который им нужен, должен выглядеть скромно. Потому что на него у них есть только пятьдесят тысяч. Ну сто. Ну сто пятьдесят – не больше! Остальное у них есть для суда. Ведь суд выносит приговор... а адвокат нужен, только чтобы с ним договориться. Ну, так они думают. И если я начну убеждать их в обратном, они уйдут. Если я попрошу у них триста тысяч и пообещаю, что всё будет хорошо, они уйдут. Вообще, они будут иметь со мной дело, только если я скажу им, что договорюсь с судом. Вот так вот...

А эти двое спокойно пьют кофе на встречах, а может, и не кофе. Курят. И может, даже сигары. Каждая их минута стоит пять долларов. И неважно, чем кончится дело. Пять долларов в минуту. При встрече. При подготовке к суду. При выступлении. Но их клиентам чем дороже – тем надёжнее. Им не нужно говорить, что они знают судей. Что за отдельную плату могут встретиться с ними и о чём-то там пошептаться. Им достаточно небрежно упомянуть, что вели дело такого-то, что было много шума – «да вы сами знаете», что по этому поводу давали интервью в «Эхо Москвы», что дело дошло до президиума «вышки». А клиент их будет удовлетворённо кивать и выписывать безумные авансы...

Это я хожу по обшарпанным судам со сбитым паркетом и задраннным линолеумом, сижу в душных залах, а за моей спиной – клетка с очередным дебилом... И это мне нужно выразительным полудиёпотом говорить своим клиентам: «...Да... я могу... его я знаю... но вы же понимаете... дорого...». А потом с сочувственным взглядом смотреть, как они решаются – не решаются... и ждать напряжённо – ну соглашайтесь же... мне нужны эти деньги... и ещё неизвестно кто – я или они – больше переживает...

А эти летают на переговоры в Лондон или вот, как на прошлой неделе, в Монако. Там, кстати, и загорели – было время поиграть в теннис на открытом корте. Они ведут дела в Стокгольмском и Парижском арбитражах. Если им верить – летают на два дня в Вену посетить оперу. Сожалеют, что купили дома в Малаге, а не в Барселоне...

И дело не в том, что я им завидую. И не в том – правду они говорят или нет. Даже пусть что-то преувеличивают... Просто я не могу им ответить на равных. Сейчас, через десять лет после того банкета, на котором я был лучшим из лучших, я никто... А ещё я чувствую, как они ждут моего ответа. Ждут, чтобы убедиться... сегодня, здесь и сейчас... они выиграли у меня... И наверное, жалким выглядит моё приглашение зайти выпить. Не потому, что они за рулем, – водитель есть. Тут главное – отказать. Сверху вниз. Да ещё подчеркнуть: сегодня едут в Питер. Завтра заседание в Конституционном Суде. Да, вот так... А я снова тяну их, но нет, правило: накануне суда день трезвости. И тут они лучшие – у меня такого правила нет.

Мы ещё о чем-то говорим. Я намекаю, что по своей линии преуспел и могу быть весьма полезен. Но нет. Они уголовных дел не ведут. Разваливают через арбитраж. Налог или есть, или нет. А договариваться с судом... они не знают... наверное, для этого есть специально обученные люди, но это их не касается... Они улыбаются, а я понимаю, что опять врезал в штангу...

Где ты... несостоявшийся член Верховного Суда? Ты мог бы сидеть сейчас и безразличным взглядом поглядывать на них, барахтающихся в статьях, частях и примечаниях. С украдкой, в надежде ожидающих мизерного одобрения в твоём кивке?.. Нет... я провожаю их взглядом. Смотрю, как они садятся в свой «Рэндж Ровер Эвог». И почему-то понимаю, что, в отличие от моего кредитного «Паджеро», он полностью оплачен... Мы начинали вместе, а я по-прежнему торгую в маленьком магазине...

И потом я сидел в баре. Пил. Перемалывал этот разговор так и эдак, вспоминал что-то из тех времён, когда учился, когда всё казалось, будет хорошо, вспоминал сегодняшнее утро, ссору из-за рубашки, выступление в суде, рассказ бабы Вали... и снова всё заново и по кругу... Хотелось стать лучше... а как – непонятно?!... Потом эта девица под села рядом. Вроде как и случайно, но я понимал – ко мне. Она не была мне нужна. Но длинные её ноги тревожили, и была мысль – ну раз уж такой день выдался дрянной... то почему нет?! И сколько бы она ни захотела – деньги, деньги за корову жгли карман, и от них нужно было избавиться. И я уже поглядывал на неё, задерживая взгляд, рассказывал анекдоты, а она смеялась и касалась моей руки...

А потом Сергей Сергеевич расплескал мой виски, спугнул девку и спросил: «У вас плохое настроение?».

Пиво вернуло меня к жизни. Фрагментами – мою память. Но только фрагментами. Я никак не мог вспомнить, что рассказал ему. А рассказал ведь точно немало – откуда бы его эти слова со смехом: «Ну ты и живёшь?! И рубашка у тебя! И корова!...». Нет, не помню.

– Кто он? – спрашиваю я водителя.

– Кто?

– Да Сергей Сергеевич?

– А я думав, шо ви знакомы.

– Нет. Не очень. Если честно, я просто вчера купил у него корову.

– А-а-а-а... Хозяин.

Не знаю, что он точно имеет в виду. Но, видимо, что-то очень созвучное моим вчерашним ощущениям. Уважительное.

– А вам корова зачем?

– А что?

– Так просто... На фермера вы не похожи.

Делаю пару глотков пива. Зачем мне корова?! Грехи искупить, дорогой мой товарищ. Как тебе такое объяснение?! Совесть замучила. Как и положено у нас – проснулась вчера, в самый неподходящий момент, застала меня пьяненького и всё-всё припомнила.

Что я там вчера лепетал?! Что корову верну? И деньги? Про деньги ни вот столечко не помню. Ну, может, и не сказал – так решил. Во всяком случае, конверт – вот он, в кармане. Похрустывает... Только надо ли возвращать деньги?! Совсем уже глупо будет... Да, это хорошим и правильным легко быть, когда ты пьян. Тогда в самом деле – всё легко и просто. И кажется, всю оставшуюся жизнь посветишь чему-то высокому и важному... А вот сегодня мне уже кажется, что возвращать деньги – это совсем лишнее. Я ведь их заработал?! Я в любом случае вытащил его! И имею право получить то, что мне положено. Да, но за свою работу ты назначил ровно вдвое меньше. Но ведь они готовы были уплатить за результат?! Они готовы были уплатить суду. А результат они, как ты сам видишь, могли получить и ровно вдвое дешевле! Ты ведь всё равно защищал бы парня?! Да какая разница?! Каждый продает свою работу как можно дороже! А если никакой разницы – чего ты так вчера распереживался-то?! Чего решил корову вернуть-то? И деньги?! А?!... Это я сам с собою. Пиво легло на старые дрожжи, и меня понесло – обычное моё раздвоение... всякий раз, когда происходит что-то такое... и несколько минут бываешь противен сам себе, и обещаешь, клянешься себе в чем-то...

Но каждый месяц надо платить за «Паджеро», за дочкину школу, за поездки в Прагу, за отдых в горах зимой... За всё надо платить... А клиенты ведь не всегда есть... А платят они... ну сколько-то они платят за работу, но основные деньги – за то, что можешь решить вопрос... А уж что ты там знаешь, какой у тебя диплом, сколько ты провел дел, что конкретно нашел в этом, на чём будешь строить позицию – никому это неважно.

Наверное, это было самым большим открытием после окончания института. Для меня – открытием, а для большинства – очевидной вещью. Ничего не меняется. Только декорации. Вместо грузчиков – адвокаты. Вместо фальшивых накладных – фальшивые протоколы общих собраний. Вместо бандитов – обэпники. Только количество денег, да качество алкогольных напитков другое... Грязь, грязь и грязь.

Я снова вспомнил тот день... точнее, тот вечер... Зимний вечер, когда всё, наверное, и определилось. И с Верховным Судом. И с моей адвокатской карьерой... Да, пожалуй, со всей жизнью... Всё важное почему-то происходило со мной зимними вечерами...

Он сказал мне, чтобы я задержался после работы. И я уже знал зачем – принесли гоно-рар. Всё было просто. Накануне я выступил. Убедительно разнес обвинение. Я, конечно, уже знал, что если дело дошло до суда, оправдания не будет. Но всё же ощущал себя гадко: зачем я готовился? Изучал материалы? Зачем ловил свидетелей на противоречиях? Зачем, если никто этого не слышит?! Я выстроил свою речь, как учили на курсах ораторского мастерства. Был основной посыл, мысль, к которой я всё время возвращался, находя новые и новые подтверждения своей правоте. И в тех показаниях, и в невнятности расшифровки аудиозаписей, и в словах самого обвиняемого, и в документах, которые были изъяты, но из которых никак не следовала фикция договора... Я хорошо выступил. Одно только смущало... Все сидели молча. Не вскинулся прокурор ни разу, не воспользовался своим правом на реплику. Скучала судья. Не сделала ни одной пометки, ни разу не взглянула в тома дела, сличая материалы с моим выступлением. Было тихо, и казалось, все только и ждали, когда это кончится... И даже сам обвиняемый скучал. Изучал что-то на своих ладонях и на потолке и совсем

не выглядел испуганным. И условный срок подзащитному совсем не радовал меня. А благодарности его дяди и жены казались какой-то насмешкой...

А сейчас вечер. Я сижу перед его столом, как всегда, когда докладывал ему дело. Только тогда он склонялся ко мне, внимательно слушал, просматривал бумаги с моими пометками. А сейчас сидел откинувшись. Снисходительный старший товарищ. А на столе лежал конверт. Это мой гонорар. Там должно быть 5000 долларов. Нереальные деньги. Мне не верилось, что клиент их заплатит. И потому, что деньги большие. И потому, что он оплатил аванс, а на окончательных расчетах, случается, кидают. Тем более, если все договоренности были на словах. Не верилось и потому, что вчера меня никто не услышал. Я говорил о невиновности, а суд нашел лишь какие-то смягчающие-исключающие... Но конверт лежал. Пока ещё на его половине стола. Я должен выслушать что-то от своего патрона, прежде чем он подтолкнет его ко мне. Но голова уже кружилась... 5000 долларов... А я ведь мечтал стабильно зарабатывать тысячу... И виделась мне какие-то магазины на Мясницкой... что-то купить... Ольге... себе... Ещё не держал я этих денег в руках, а уже хотел тратить!

– Ты молодец, – сказал он и подтолкнул конверт. Из деликатности, демонстрируя уважение, а может, из страха, что там не то, что я думаю, я убрал конверт (да нет! То! По толщине почувствовал – то!).

– Спасибо.

– А теперь вот ещё что.

И на столе появилось пять «котлет». Новенькие. Безупречно ровные пачки. Кажется, банкноты ещё слипшиеся... И запах... Запах новых денег...

И я смотрю на них, и уже всё как-то по-другому. Нет, мои пять тысяч так и остались пятью тысячами. Но пять пачек... это совсем – совсем другое... Вообще всё другое.

– Это что? Нам?

– Это мне.

– ???

Он налил немного коньяка в свой бокал. Сделал глоток и долго смотрел мне в глаза. О чем-то думал. Потом достал ещё бокал, плеснул в него. Подвинул ко мне.

– Знаешь... это Остапа Бендера кормили идеи. А в нашем деле платят за решение вопросов.

Я смотрел на «котлеты». Как-то сразу вспомнилось многое и сложилось. Клиенты... их разговоры за закрытыми дверями, куда меня не приглашают. И как они выходят потом, уставшие, но какие-то... успокоенные, что ли... И тогда уже приглашали меня. Рассказывали, как там, что и о чём. Подписывались договоры, и я включался в работу. Но клиентов я больше не видел...

– Но и здесь всё не просто... Я могу договориться... со многими... меня примут... У меня... даже возьмут... Но думать за меня никто не будет. А ты молодец. Ты всегда знаешь материалы. У тебя всегда внятная позиция. Аргументы.

Он делает жест бокалом. Мы чокаемся.

– Ты хороший адвокат. У нас вместе всё получится.

Он отделил две пачки, потом ещё две и ещё одну. И подвинул её ко мне.

Десять тысяч долларов США.

Толстая увесистая пахнувшая пачка. И даже что-то там переливается... сверкает.

– Это твои. Эти две... тому, кто принимал решение... Ну а это мои... Я всё организовал... Вопросы есть? Всё устраивает?

Не... не вспомнились мне диплом и заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации... Не вспомнилось, как работал в своем магазинчике и как мечтал вырваться... Не подумалось об интервью журналистам... Не было возмущения... не было

стыда... Где-то робко пробежала мысль, что это ведь некрасиво, неправильно... Но так робко...

...Было другое... Сегодня в кармане я понесу примерно раза в полтора больше, чем заработал за весь предыдущий год... А я ведь и предыдущий год прожил неплохо... И стояли перед глазами «СААБы» и «Гранд Чероки»... и крутилось в голове название модного горнолыжного курорта Лез-Арк... и вспомнилось, что квадратный метр стоит всего семьсот долларов... А сколько этих клиентов прошло мимо... и с ними денег... Но теперь всё будет по-другому... И я взял её...

В тот вечер я не заходил ни в какие бутики. Просто шёл по улице. Мне нужно было успокоиться. Свыкнуться с мыслью, что у меня столько денег. Скрипел снег. Он скрипел так всегда при морозе. И так же светили фонари. И шли люди. Только для меня всё изменилось. Наступала другая жизнь. Теперь я буду получать в ней всё.

Мы ещё долго работали вместе. Года полтора. Таких жирных гонораров уже не было. Но мы брали оборотом. И деньги текли. Я делал свою часть работы, он – свою. Всё выглядело чинно и благородно. Я находил изъяны в следствии, а он договаривался, чтобы суд их учел. Я говорил: «Что мы ищем? У нас обвинение в хищении полумиллиона долларов. А следствие рассказывает нам о тратах на конюшню... в размере полторы тысячи за два года?! О чем мы говорим?! Я не понимаю?!». Или другое: «Что же получается? Журналист в своей статье выдаёт речь подзащитного как прямую! Но где хоть одна аудиозапись его слов?! Где его подпись под текстом редакции?! Так что же, можно какие угодно слова приписать кому угодно и осудить его?!». Все понимали, что деньги похищены. Все понимали, что есть двести пятьдесят потерпевших. Что оговорил наш подзащитный прокурора... Но... я выступал... суд меня слушал... и приговор оказывался необыкновенно мягким... Потом он умер. Какая-то мутная история с инфарктом. Мутная потому, что вполне здоровым человеком он был. Что-то не то вышло у него в семье... Ну а я что?! Я уже всё знал... И я пошел дальше него. У меня не было знакомых в суде. Но я был хорошим адвокатом. И я придумал простую вещь. Зачем договариваться с кем-то?! Отдавать деньги? И... рисковать?! Зачем решать вопрос, если можно создать иллюзию, что ты его решил. Нужно просто найти то, мимо чего прошел следователь, но что объективно будет учтено судом... Я – лучше, чем Копперфильд. Там все знают – обманывает. Непонятно как, но обманывает. По поводу меня – не знает никто.

И теперь я всё оставлял себе. Ну вот последний год ещё делился со своим партнером. Я – с ним, он – со мной. Договорились, что каждый отдает другому треть своего гонорара. Такая вот странная договоренность. Я её не выполнял. Вчера, например, отдал пятьдесят тысяч. Хотя баба Валя-то мне дала триста. Но ведь считается, что половина осталась в суде?! Зачем ему эти детали – куда там и что на самом деле делось?!... Интересно, он мне отдает треть? Мне почему-то кажется, что да. И, честно говоря, меня это раздражает. И чем дальше, тем больше. Ведь отдает треть не потому, что ума не хватает замылить часть гонорара, а потому, что так «договорились». У него вообще всё так было – по-правильному, как учили. Сколько раз я ему говорил – зачем ты берешь эти «назначения»?! Что ты по СИЗО таскаешься?! По полдня там сидишь?! Нафига тебе вообще связываться со всей этой предварителькой?! С меня пример бери!

Вот и вчера он меня выбесил.

Я вошёл в наш офис. Ещё была радость от ощущения победы, настоящей хорошей работы, от того, что денег поднял неплохо. Но этот её рассказ, её глаза, всё то, как она выговаривала сыну, всё это уже как-то подавляло изнутри. Он что-то печатал на компьютере. Разложенный кодекс, пара-тройка бюллетеней Верховного Суда, его собственные листки с какими-то пометками-каракулями-стрелками – что уж он понавыписывал из материалов и отметил на допросах. Как он ходит-то по этим изоляторам?!

Я сразу положил перед ним десять пяти тысячных купюр. Ещё в машине отобрал те, что постарее, погрязнее – терпеть не могу замусоленных денег. А зря я так сделал.

– О, пустячок, а приятно к концу-то недели, – сказал он.

Я уселся прямо на стол к нему.

– Жаль, ты не видел сегодня процесса. Очень неожиданно сложилось. По-настоящему красиво!

– Да?! А что за дело-то было?

– Да кража телефона. Я тебе рассказывал. Прикинь, суд исключил квалификацию «крупного ущерба». Это при айфоне-то?!

– Ничего себе?! Как так?! Это вот те твои клиенты? Из Камешков?

– Как ты помнишь-то?! Да, они... Потому и купюры такие. Продали там что-то... корову, говорят.

Он шевелит деньги пальцами. Разглядывает. Откидывается на стуле. Что-то изменилось.

– В каком смысле – корову продали?

А деньги продолжают лежать. Он не взял их. Отодвинулся. А мне так важно, чтобы он их взял! Чтобы разделил гонорар со мной, признав, что это – наши деньги, что имеем на них право. Что это правильно и справедливо. И я шучу:

– Слушай... ну они из деревни! Что там можно продать-то?! Конечно, корову!

Он молчит.

– Ну а как ты хотел?! Наша работа стоит денег... Тем более мои такие услуги! О чём мы говорим?!

– Ни о чём. Просто корова стоит двадцать тысяч. Ну самая хорошая – тридцать. А она, как я понимаю, отдала тебе не меньше ста пятидесяти?!

Он пока лишь произнёс эти слова. Он ещё сам толком не понял их смысла. Не двинулся дальше, не спросил про договорённость с судом. Мысль его только начинает выбирать направление... А я уже всё понял. Всё вспомнил, что она мне говорила. Всё посчитал... и мне стало страшно... Я подошёл к нашему бару, налил себе коньяк и с паузами выпил. Мне не хотелось оборачиваться... Двадцать тысяч корова... ну пусть тридцать... ещё шестерка эта... ну не знаю, пусть ещё пятьдесят... Всего, значит, восемьдесят... Ну что она там ещё могла-то продать в своей деревне?! Ведь отдала-то она мне сто пятьдесят!

Я оборачиваюсь. Наши глаза встречаются. «Нас так не учили», – это он. «Я закончил юрфак лучшего вуза страны. А он совершил преступление», – это я. «Независимо от сложности дела клиента нельзя разорять», – это он. «Я хорошо учился. Я был лучшим. У меня элитная, высокооплачиваемая профессия», – это я. «Никто не отменял элементарной человеческой порядочности... и сострадания тоже», – это он. «Я просто назвал ей нашу обычную сумму», – это я. «Твою, твою обычную сумму», – это он. «Да пошёл ты! Ещё скажи, что не возьмёшь деньги», – это я.

Я стою напротив него. На самом деле мы молчим. Просто я знаю, о чём думает он. А он знает, о чём думаю я. А между нами на столе десять ветхих купюр. И яркое солнце скрыло их цвет.

– Забери, – говорит он.

– Твоё дело. Можешь выкинуть.

Я выхожу. Мне всё противно. Этот придурок выбесил меня.

Почему так?! Я живу лучше него! У меня больше денег! Больше свободного времени! Я соображаю быстрее него! Ему расти до меня и расти! Я могу всё то, что может он, – ходить на допросы, корпеть над томами дела, спорить со следователем над формулировкой ответа, всё могу, потому что когда-то я всё это делал. Он не может, как я. Он не может договариваться с клиентами на приличную сумму. Не может отказаться от безнадёжного дела. Никогда к нему

не придёт такое озарение, как сегодня ко мне. Никогда он не найдёт то единственное, мимо чего прошел следователь, не заметил защитник на предварительке и что можно и нужно обыгрывать, и раскручивать, и вытягивать на минимальное наказание, а то и на условное...

Но ему – хорошо. А мне – плохо. Этим двум – хорошо. А мне плохо. Придурку Володе – хорошо. Хотя бы потому, что он на свободе. А я – на свободе, при деньгах... Но мне плохо!!!

Я прикрываю глаза. Опускаю козырек. Нам ехать и ехать. Машину покачивает-потряхивает, и я погружаюсь в дрему... Отчего-то вспомнилось, как лет двадцать назад я так же колесил, сидя на пассажирском месте каблучка, по всей области. Дремал по несколько часов. А иногда читал учебники по праву или свои конспекты. Да, точно – лет двадцать назад мы держали с приятелем продовольственный магазин. Ещё Союз не распался. Каким-то образом Мишку, через его родителей, назначили директором малого государственного торгового предприятия. Да, было такое странное образование. И мы крутились. В 92-м продуктов уже не было. Очереди на бензоколонках на час. Талоны. Стрельба. И в Новый год все спрашивали себя – чего ещё плохого им ждать в следующем году?! Но у нас был свой расчетный счет, наличные деньги. Ничего не понимая в торговле, мы мнили себя бизнесменами. Что-то получалось. Я отвечал за коммерческие закупки. Ездил по всей области – на Егорьевку за индюками, на Томилино за яйцом, на Дружбу... ещё куда-то. Миша занимался госпоставками – сахар, масло, колбаса, макароны. Именно на этом и делались основные деньги. Сейчас вспомнить – дурно становится. Одна только гречка для детских садов чего стоила. Типа сломалась машина, разгрузилась у нас. Мы гречку и продали. А на самом деле ничего не было. Просто «пропустили» через свой магазин накладные. Ну и денег нам дали экспедиторы... Вот интересно... как бы я защищал нас сейчас?! Что сказал бы?!... Чудное было время. Какой-то пир во время чумы. Пьяные грузчики. Обозлённые покупатели. БХСС. Бандиты. Каждый вечер допоздна учёт, снимали кассу – что мы там наделали за сегодня. Да, деньги приходили легко. Может, и не запредельные, но точно раз в десять больше, чем моя зарплата инженера... Но уже тогда было понятно: это не навсегда. Мишка хотел уехать в США. Всё говорил, что соберет десять тысяч долларов и уедет. Он и уехал – к свободе предпринимательства. То одно, то второе. Сейчас, в общем, ничего. Так, программист по найму. Даже сюда не может приехать лишний раз. А я? Я – да, я учился. Мечтал вырваться из всей этой грязи – римское право, юс генциум, юс цивиле... гражданское право, уголовное... процесс... Как испуганный, я учил всё, вот просто всё, что проходили, хотя уже знал, что какое-нибудь муниципальное право или трудовое мне совсем не понадобится. Но учил... Сидел в библиотеке по субботам. Лучшие курсовые писал. Читал Гегеля... И всё должно было измениться. Со мной же на равных разговаривал заместитель Председателя Верховного Суда. Задавал мне вопросы на защите диплома и позже отозвал в сторону.

– Знаете, молодой человек, – сказал он и так как-то очень доверительно коснулся плеча, – а ведь очень мало кто так критически задумывается над нормами права, процесса. А тем более над основными принципами. Воспринимают всё как догму. А ведь они ещё студенты! Им ещё бы пробовать и пробовать всё на зуб! Подвергать сомнению!.. А представляете... те, кто уже работает много лет?! Что нового они могут сказать?! Никакой свежей мысли...

Я украдкой поглядывал на этого уже совсем немолодого человека. Какая-то странная мысль крутилась в голове: облечённый властью, влиянием, небожитель и вершитель судеб человеческих, тот, кто определяет подходы судебной практики к тем или иным вопросам, он сейчас... словно искал у меня понимания, сочувствия. Он – у меня... И ещё думал, что, когда пройдут годы, я буду не таким. Сильнее. И всё, о чём думаю, всё воплощу, переверну эту систему, как когда-то Сперанский.

– Вы хороший юрист. И вас, чем бы вы ни занялись, ждёт блестящая карьера. Одно только...

Я поднял на него глаза.

– Будет обидно, если с такими знаниями, а главное – с такими взглядами на жизнь, с таким пониманием права вы растратите себя на мелочи и пустяки. Вам надо служить. Да. И лучше всего делать карьеру судьи. Знаете, как мало настоящих, хороших судей?

Да, так это было. И казалось в тот вечер, когда шли толпой в какой-то ресторан, шли шумно, весело, пальто нараспашку, когда скрипел снег и фонари заливали светом Ленинский проспект, и я шёл чуть в стороне от всех – не потому, что был сильно горд, а просто хотелось ещё побыть в этих ощущениях, в той беседе, в тех его словах, – вот тогда казалось – жизнь моя изменилась. Я вырвался наконец. Всё, всё пойдёт по-другому. Виделись так ярко картины будущего: адвокат, униженные и оскорблённые, читальные залы Ленинки, выступления в Верховном Суде и потом членство в нём же... Где-то там, рядом, как само собой разумеющееся, виделись деньги. Не как самоцель... и безумные... а просто... как недостаток. Виделись интервью в газете и научные статьи. И даже открытые лекции на моём же факультете. И как преподаватели меня представляют. А я скромно стою... зато когда выступаю – в зале всё замирает... ведь я говорю о том, о чём не рассказывают на лекциях, о чём не задумываются, не мыслят даже... Ещё что-то виделось. Восхищённый взгляд какой-то студентки? Ну, может, и это тоже... Но главным во всём этом было ощущение, которого не было в моей жизни никогда: это твоё. Твоё призвание. Твоё занятие навсегда. Твоя жизнь. Твоя гордость. Твоё «Я»... Именно такое – с большой буквы.

А что сейчас? Ничем всё это закончилось. Нет у тебя клиентов особо. И журналисты не следят за твоими процессами. И в Верховном Суде тебе не довелось выступить. Ну кто принесёт протест на приговор об избиении жены?! Тем более что там больше разговоров было, чем дела... Нет у тебя и денег особых. Так, на жизнь-бытьё. На Турцию и на автомобиль в кредит... Даже связями в суде ты не обзавёлся. Да при твоей схеме они и не нужны. Мошенник ты. Лжец и мошенник. В общем... недалеко ушёл от своего магазинчика. Даже Мишка дальше... Может, и не в грязи сидишь по уши, как там... но дерьма изрядного в твоей жизни хватает...

Воспоминания эти сквозь дрему, пиво – всё это совсем не вовремя. Чувствую, как по щеке бежит слеза... А что делать?! Теперь-то что делать?!

Ну отдам я эту корову?! Отдам деньги... и что?! В церковь схожу... помолюсь... за тех, кто рядом, – за Ольгу, за Марию, за родителей... вспомню тех, кому обязан в этой жизни... и за них помолюсь... за тех, кого уже нет... За себя... попрошу что-то... не знаю что... Но дальше-то всё равно будет то же самое?! Некуда уже сворачивать. Не-ку-да...

– Сколько нам ещё ехать?

Водитель поерзал на сиденье, посмотрел на спидометр.

– Ну, часа два... Мабуть, бильше...

– Если остановимся перекусить – с коровой ничего не случится? Минут на тридцать? Есть что-то очень хочется.

– Не-е-е-е. Конечно, не случится. А подзаправиться – это хорошо.

Придорожное кафе. Даже уличная веранда окутана запахами. Люблю незатейливые заведения – пельменные, чебуречные, сосисочные. Сейчас в Москве почти не осталось этих мест. Так, стилизуют что-то под совок. Но всё не то. Сплошной пафос. Белые скатерти, цветы на столе... крохотные букетики... и воздух – прозрачный и безвкусный. А по мне, самые лучшие воспоминания – студенческие столовые. Чудесная смесь запахов только приготовленных борщей, лапши, гуляша, котлет. И пусть это всё не так уж и вкусно, и жидковат борщ, и котлеты рассыпаются, а в гуляше всё больше подливки... но запах! Запах какой?! И ещё ты всё это сразу видишь. Салаты – мимозу, оливье. Горячее – тот же гуляш с макаронами, тефтели с густым соусом... а как он разливается по пюре, а?! Видишь, предвкушаешь... и ожидания тебя не обманывают. Не то что... какой-нибудь... как они там говорили – дефлопе⁵?

⁵ Дефлопе – блюдо французской кухни из вяленого мяса, в переводе означает «провал», его готовят из мяса страусятины,

Нам приносят густой, горячий и жирный лагман. В моём состоянии то что надо. Заказываю сто пятьдесят водки. Большой глоток обжигающей холодной жидкости. И пауза перед первой ложкой... Ловлю на себе взгляд водителя. То ли удивленный, то ли сочувствующий. Ну и ладно. Мне что с ним, детей крестить?! Я пил со своими грузчиками в магазине. Ну то, что, по их мнению, можно было пить. Пил и один. Потому что в 91-м все друзья разъехались. Пил, потому что настроение было плохое. Или хорошее. Пил вечером. Ну это понятно. Пил с утра, потому что иногда в этом магазине невозможно было находиться трезвым. Пил за выигранные дела. И напивался за проигранные. Пил, как вчера... от осознания, где я, кто я и куда иду... По какому только поводу и без повода я не пил?! И что, мне сейчас таитья?! Я вижу его первый и последний раз. Он что, Сергею Сергеевичу расскажет?! Так мне какое дело?! Тот меня *таким* видел... И вообще – я недалеко ушел от этого водителя. Всё, что нас отличает, – это мой диплом юриста и кое-какие деньги. Этого много. Но на самом деле гораздо меньше, чем моё отличие от этих двоих. Со стороны мы похожи. Несведущим... Просто нужен такой отвратительный день, как вчера, чтобы всё сошлось в несколько часов одно за одним и стало всё понятно. Подвелась итоговая черта...

Когда мы садимся в машину, приходит СМС. Ещё один незнакомый номер. «Как ты? Извини за вчерашние слова. Рада была видеть. Анна»... Анна... Всё-таки Анна?! Значит, всё было... И этот душ ледяной, где я сидел в рубашке... мои сопли-причитания-рассказы... её руки... и те её слова:

– Жаль мне тебя, Петров... Что ты с собой сделал... Поезжай домой... Ты же уехал тогда?!

Как же всё это было? Листаю телефон... Последний номер – это такси. Четыре утра. Ещё такси в два тридцать... А вот... в начале третьего... как я теперь понимаю – её. И где взял-то? Хотя... вот ещё СМС. Это от Макса. Её номер. И звонил ему в час ночи... Да, точно... проводил Сергея Сергеевича... и позвонил...

Он сказал, что мне хватит пить. Я пошёл провожать его. Как-то не хотелось, чтобы он уезжал... Также думал взять такси. Но закурил. И это оказалось лишним. Так уплыло всё... Вернулся в бар... Кофе... Да, кофе... И хотел рассчитаться... вот тогда и рассыпал деньги... Сидел на стуле – смотрел на них. Понимал, что наклониться и собрать не смогу. Кто-то из официантов... Да, и захотелось вдруг услышать Анну. Ведь пьян же был. Всё казалось простым и ясным – как и что надо исправить... А с Анной... осталась какая-то тяжесть... Нечасто, но накатывало сожаление, что всё так неправильно было и неправильно закончилось... Опять совесть?! Зачем?!

Когда-то она любила меня. Даже развелась. Помню, мы пили кофе в комнате отдыха. Это было ещё в моей первой конторе. Болтали. Курили. Много было народу. В воздухе плавало ожидание Нового Года. Планы, поездки. Потом мы остались одни. Она сказала: «С двадцать пятого я свободна». Я ответил: «Давай уедем за город на пару дней».

«Петров, ты не понял. С двадцать пятого я совершенно свободна. Навсегда».

И стало ясно, что всё, что происходило с нами этот год, – не шутки. И эти разговоры – как наши дети будут плескаться у бассейна в Салоу, а мы – пить коктейли, держаться за руки и смотреть на них, это для неё было совсем не пустыми словами. Не несбыточными мечтами... Это вот здесь всё... совсем рядом... И я отдалился... Сперва заболел как-то серьёзно. Потом несколько командировок подряд. И как-то удачно складывалось, что никакого важного разговора у нас не случилось. И выглядело это естественно... Она не сразу, но всё поняла. Ещё полгода мы работали вместе. Потом... что-то у нас было в офисе... какой-то грандиозный праздник... наша случайная близость.

– Разве ты не понял? Это последний раз! Мы сегодня прощаемся.

И я чувствовал, что так это и есть. Я оставался с ней до самого утра... Из вежливости, что ли... Говорили... много... обо всём... о рабочих делах, о детях... как будем общаться дальше... снова о работе... спокойно, тихо, даже шутили что-то... Она легко закрыла дверь за мной. Без слёз. Без последних слов, взглядов, поцелуев. Объяятий намертво. Но я вышел из подъезда с облегчением. Эта история закончилась. Наверное, мне было просто хорошо с ней. Наверное, она просто красиво отдалась мне в первый раз... А может, мне просто льстила связь с замуженной адвокатессой, недостижимой мечтой всей мужской части нашей конторы... Не знаю... Но я понял, что не любил её на самом деле никогда...

Зачем я звонил ей вчера?! Это что же получается... семь лет назад я уехал... с облегчением... ни разу не усомнился... но... всё время думал?! О чём? О чём?!... О том... что виноват?!... Анна, Анна... зачем ты разрешила мне вчера приехать? Зачем прикасалась руками... нежно... заботливо, хоть и говорила безразличные слова? Зачем написала сегодня? Зачем мы встретились восемь лет назад?

Теперь мне предстоит выкарабкиваться и из этой истории. Как он там говорил – у тебя и корова? И рубашка? И ещё что-нибудь случится...

Хорошо, хоть с Ольгой помирился. Ну, видимо, помирился. Хотя – лучше бы с Марией. А вообще, это бред какой-то. Безумие. Выбирать из двух близких людей, с кем лучше поссориться?! Это нормально?! А так получается у тебя... Всё не как у людей... Ольга всё поняла – не первый раз. А вот Мария...

Я не знаю, я правда не знаю, представить себе не могу, о чём она думала и как ей было?! ... Она просто ушла. Помню, я позвал её.

«Мария! Пойдем! Я опаздываю!» Позвал раз, другой. Вышел в коридор. Заглянул в её комнату. А её не было... Чертова рубашка!!! Далась она мне?! Столько крика! Ну Ольга тоже хороша... знает ведь, что это моя счастливая рубашка! В ней всегда – на приговор. Дело слушается подолгу, но в день приговора я – в ней. Такое вот суеверие. Примета... Их было несколько в моей жизни. Например, если у меня два пути, в прямом смысле слова – две дороги, всегда надо идти туда, куда был первый порыв! Иногда даже останавливаюсь, чтобы вспомнить – а куда толкало-то?! Всегда это знал и следовал этому правилу, иначе что-нибудь да случится не то... В институте, в день сдачи экзамена – ничего не делать. Кровать не убирать, посуду не мыть, мусор не выкидывать, в магазин не ходить. Нужно сосредоточиться только на себе... умываться, приводить себя в порядок... и поменьше разговоров и смеха. В общем, как у Высоцкого – «он четок, собран, напряжен...». А в адвокатские годы появилась вот эта «счастливая» рубашка. Я купил её в магазине Hugo Boss, вот тогда же, с первого большого гонорара. Решил, что могу себе это позволить. И уже когда купил, вдруг заметил – а денег-то меньше не стало!.. Да, и через пару дней выступал в суде. И как-то всё удачно прошло. С тех пор много, очень много чего купил и смог себе позволить, но та рубашка осталась любимой... и счастливой. В ней – всегда на приговор. Иногда я задумывался, что будет, когда она износится?! Не придумал. Но пошел на хитрость – сразу после процесса старался её снять. Это позволяло стирать её раза в два реже... А вчера оказалось, что она не поглажена. А ведь просил же с вечера! Что ей стоило?! Чем эту чикагскую окружную больницу смотреть?! А хоть бы и с ней вместе?! И утром – полетело!!!

Конечно, я мог бы остановиться. Надо было остановиться! Ольга же говорила. Соглашалась, что неправа. Предлагала погладить. И успела бы! Да ладно, что там – себе-то я могу признаться... вся эта моя истерика... это же я просто срывал раздражение, что не готов!!! На неё, что ли, собирался свалить проигрыш?! И вот мусолил, мусолил эту рубашку, её отношение к моей просьбе, маленькой просьбе... и всё на разные лады... почему не погладила, да почему не погладила?! Наплевать на всё? На простую, маленькую просьбу?! Мне, что ли, самому гладить?! Может, ещё и готовить?! А ещё что?! А ты чем будешь заниматься?!... В общем... она сорвалась... шарахнула тарелку об пол!

– Дура, что ли? Совсем психопатка?! – но я как-то сразу остыл. – Лечись тогда.
– Да пошёл ты! Убирайся!

Я развернулся и позвал Марию. Проводить её в школу. Тут я уже всё, что мог, сделал... Проводил, называется...

Это было первый раз. Нет, конечно, случались дни, когда я её не провожал. Но это редко – если заседания назначали на девять. Тогда это делала Ольга. А так – всегда я. С первого класса. На второй день я же и повёл. Вот уже третий год. До школы нам десять минут. Дворами. Только в одном месте перейти дорогу, но там так редко ездят – она ведет в тупик. И мне всегда эти утренние прогулки очень нравились. Вечерами ведь как раз не всегда удавалось поболтать: то я устал, то поздно вернулся. А тут мы вдвоем. Я держу её за руку. За маленькую такую, маленькую горячую ладошку. Даже зимой – она снимала варежку, и в моей ладони ей было теплее. И мы разговаривали. Она рассказывала мне о классе. Своём, параллельном. О каких-то историях. В её представлениях – почти детективных. О каких-то новых подружках. О том, как со старшеклассницами играли в «вышибалу». Как на уроке оригами что-то там невозможное сделал кто-то... Всё это потихоньку менялось. Она же выросла. Я просто физически ощущал это. И по ладошке. И по тому, как однажды не дала мне свой рюкзачок и с тех пор носила его сама. Ведь ещё год, ну два! – и перестанет давать мне руку. Сперва – когда переходим дорогу. Потом – возле школы, чтобы никто не видел, что папа её «до сих пор за ручку водит»... Потом, наверное, совсем. Я ценил эту её ладошку в своей руке...

А уже подходя к школе, она отдалялась от меня – с кем-то здоровалась, махала рукой, догоняла сама или её догоняли, и вот они уже отстали, идут где-то в стороне, о чём-то шепчутся... Девочки... У ворот я её целовал и говорил: «Хорошего дня, любимый ребенок. Ты – самая чудесная девочка на свете». «А ты – самый чудесный папочка». Она тянулась ко мне, привставала на цыпочки и убежала...

А сейчас её не было. Она ушла в школу. Одна. Первый раз. Вот так вот. И я почувствовал, что теперь всё будет по-другому. Я, конечно, буду провожать её в школу... ещё год-другой... может, больше... Но теперь всё чаще она будет ходить сама. Она стала чуть взрослее. И взрослее она стала чуть раньше... И виноват в этом только я.

Я написал ей: «Где ты?». «Ушла в школу». «Почему одна?» «Ни навизу, кагда вы кричите друг на друшку».

Как же она это всё ощущала, если ушла? Если так написала?! И написала-то – кричите... во множественном числе... не первый раз... Мне было дурно.

Я вспомнил, как иногда ругались мои родители. Иногда по несколько дней были в ссоре. Не разговаривали. Или кричали непрерывно. И как страшно было, когда закрывались в комнате, «чтобы поговорить». И тихо было. Только отдельные слова. Иногда я подслушивал. И как-то прозвучало... «развод». Это было вечером. Всю ночь я не спал. Плакал. Меня трясло. Мои родители разводятся. Как же теперь всё будет?! А утром я сидел за завтраком. Не хотелось есть. А мама всё требовала. Я съел кусок рогалика с маслом... и меня вырвало... прямо там... за столом. Так мне было плохо. Я лежал на кровати, дрожал и плакал. Рыдал просто. А родители, перепуганные, склонялись надо мной. Трогали лоб, спрашивали, что я ел вчера. Не ударялся ли головой? А я рыдал и рыдал, уже совсем в истерике. А потом закричал: «Вы разводитесь! Я жить не хочу!». И мама опустилась рядом. Целовала меня, плакала. «Ну что ты? Дорогой мой мальчик?! Ну?! Ну взрослые иногда говорят так, когда ссорятся. Это же просто так». А отец стоял рядом – то ли испуганный, то ли растерянный. А может, счастливый, что со мной всё в порядке?! И я засыпал. Я видел, как они уходили вместе, и засыпал успокоенный и счастливый... Но я всю жизнь помнил это... Просто позже выработался иммунитет... А вчера, услышав, как мы ругаемся, ушла моя дочка. Ушла. Целый день была со своими мыслями. С этими криками и разбитой тарелкой. И пониманием, что всё, мир рух-

нул, родители не любят друг друга, кричит мама, орёт отец, бьётся посуда... И когда она вернётся домой... может, кого-то уже там не будет? Никогда?!

И я не увидел её вчера. Ольгу увидел ночью. Видимо, сказал что-то... А Марию не увидел. Ничего ей не объяснил. Не смазал, не стёр это страшное ощущение, ещё не проникшее, не вошедшее до конца... Она не увидела нас с Ольгой, как я тогда – счастливых родителей, и в ней зарождается теперь иммунитет... безразличие... Мне тогда, тридцать лет назад, было легче: родители были рядом, когда я умирал от страха за них, за нас всех и от любви к ним... А она?! Да что же это такое в моей жизни?!

Я достал телефон и написал ей: «Привет, любимый ребенок. Мне нужно было уехать по делам. Завтра вернусь, и все вместе пойдем куда-нибудь. Целую. Ты самая лучшая на свете». Мне стало чуть легче. И ещё – хорошо, что с Ольгой я вчера хоть как-то помирился. Не помню как. Но она же провожала меня утром?! И поцеловала?! И про рубашку мы поговорили?! А главное, она что-то скажет Марии. Это чудесно!

Как я живу?! Господи?! Как я живу?!

А через час мы приехали...

Камешки считались городом, но всё, что его напоминало, – несколько пятиэтажных домов из серого кирпича, что-то вроде площади, убегающей под уклон, – осталось позади. Мы ехали по деревенской улице. Не то чтобы убогой... тоскливой... бедной... Какие-то недоросшие черешенки, абрикоски на обочине... Деревянные заборы – сплошные и из штакетника... крепкие и развалившиеся... всё вперемежку... Даже странно, что где-то была Москва с проспектами, асфальтом, вереницами дорогих автомобилей, оштукатуренными особняками, нереальными громадами новостроек, ночными фонарями, суетой... жизнью... Кто из местных видел-то ту Москву?!... Вообще, тут казалось странным, что где-то есть большие города... Есть жизнь... Хотя, кто его знает... как они тут живут... о чём думают и где, по их мнению, есть жизнь...

Дом, который мы искали, был с моей стороны. Я просто его ещё не видел. И почему-то всё думал: какие там ворота? Хотелось, очень хотелось... чтобы вот они... были хорошими. Чтобы не выдавали они бесконечной бедности... той самой проданной коровы, машины... каких-то занятых денег... Чтобы забор был окрашен, а не просто какие-то серые истлевшие доски... Ещё семь таких ворот. Это же деревня. Тут всё по-человечески, по номерам. Тут не может такого быть, как в Москве, когда напротив дома №117 будет 198/б. Или вот как у нас, например, дом. Корпус два. Он стоит сразу на улице. А где корпус один – я до сих пор не знаю... Какие же у неё ворота?!

Машина остановилась.

Я сидел. Курил. Выходить не хотелось. Что скажу? Зачем приехал? Корову эту притащил. Что строю-то из себя благодетеля? Как этот... который им денег дал недостающих?!... Так он хоть с её мужем работал! Как-то объяснить разумно можно. А я-то зачем?! Ведь ничего не изменить?!

Я вышел из машины. Ворота были, как я и хотел, не новые, с шелушащейся зелёной краской, но крепкие, как и забор. С аккуратным синим почтовым ящиком... Может, у бабы Вали всё хорошо?! Вполне себе зажиточная по местным меркам семья? А может, и не по местным даже?! Насочиняла мне там всего... Чтобы жалость вызвать?! Может, скину что-то?.. А тогда мой приезд ещё глупее, чем я думал...

Я стоял у ворот. Крутилась в голове вся эта история... А вся эта история, оказывается, просто моя жизнь...

...И выхода я не видел. Было невозможно стыдно, если Сергей Сергеевич узнает, что я не отдал корову. А он узнает! Узнает! Водитель же перезвонит – куда девать её... Кстати, и меня с собой ещё обратно не возьмет... И перед ним тоже не хотелось выглядеть идиотом.

Не знал, что совру Ольге... Но совру – не совру... что бы там она про себя ни думала, простит... И ещё баба Валя...

Я услышал её оклик, когда был уже у подъезда суда.

– Сынок! Сынок!

Я обернулся.

– Подойди-ка.

Это ещё что такое?! Я двинулся к ней. Но денег я не отдам. И слушать ничего не буду. Скажу, что мне некогда.

Она коснулась моей руки. Пальцев. А у неё очень гладкая кожа. Надо же?! А ведь должна же быть сухой, мозолистой?!

– Болит? – она провела по моей экземе. – Очень?

– Да, я привык... бабушка.

Как это я её назвал «бабушкой»?! Валентина Григорьевна – она же... А вот как-то по-другому в эту минуту не получилось. Именно так – «бабушка».

– Ты приезжай ко мне. Я помогу. Я умею. И не таких лечила.

– Да ну... что вы?! Мелочь... Правда привык.

Я ведь и в самом деле привык. С детства это. Было и сильнее. Всё тело мазали. И до крови трескались руки... Сейчас – так, фигня, в общем.

– Ну адрес-то у тебя есть. В любое время приезжай. Помогу.

Да...

Вот именно с этих её слов, не с рассказа даже о корове и машине, стало портиться у меня настроение...

Я нашел повод вернуться к водителю.

– А как корову-то спускать будем?

– Так як же?! По доскам! Вин же они, у кузова.

Водитель смотрит на меня, ждет. Действительно, всё это глупо.

Я досчитал до десяти. Точнее, до девяти. Последний счет состоял ещё из десяти. С детства так делал, когда надо было решиться и было время... семь-восемь-девять-десять-ДЕСЯТЬ... Я толкнул калитку...

Поздно ночью я стоял, облокотившись на низкий заборчик. Курил. Как-то сами собой высохли слезы. Я смотрел на звёзды, которых не видел тысячу лет. Слушал давно забытые звуки... сверчков... ленивый и редкий лай собак... какое-то движение в загоне для свиней... шелест листьев в порыве ветра... Только что ушла бабушка Валя...

Позади остались какие-то невнятные мои слова ей... помогите мне... Какие-то её добрые в ответ... что-то она говорила про светлого человека... про меня, в смысле... Позади был водитель, который, как его ни уговаривали, не остался посидеть с ними... или как? – с нами?... Только взял какой-то огромный бутерброд с салом... хорошее сало, сказал... а я так и не узнал, как его зовут... всего тебе хорошего... Позади был стол, хороший деревенский стол с самогоном, жареной картошкой, салом, котлетами... и какая-то женщина, немолодая уже, не жена Володи точно, но жившая с ними, и они принимали её как родную... и бабушка Валя в самом деле называла меня «сынком»... Позади была корова... и как её все осматривали и что-то там говорили, поглаживали, похлопывали, и я уже даже гордился, что такую классную корову привез... Позади был тот самый бывший председатель колхоза... он-то больше всех и с искренним восхищением осматривал эту корову... и как-то мне показалось... и это мне очень нравилось... деньги он им дал не в долг... а насовсем... Позади было то, как я вошел во двор... как рад был тому, что не заскрипела ухоженная калитка... и стоял... смотрел, как в глубине двора бабушка Валя что-то месит в тазу на табуретке... какой-нибудь хлеб, отруби для скотины... куры гуляли во дворе... большая рыжая собака не двигаясь смотрела на меня... потом Володя

окликнул женщину, и она сразу пошла мне навстречу, как будто так и надо... на ходу вытирая руки о фартук... А я стоял, не мог дальше двинуться... «Ты приехал, сынок?..» – «Да... да... Вы же поможете мне, бабушка Валя?..» И она обняла меня... – «Конечно, сынок...» А я уже не мог сдерживаться... Позади были СМС, которые я отправил... и СМС, которые я получил... «Всё хорошо. Смотрим с Марией кино. Очень скучаем и любим тебя. Целуем»... «Рад, что доехал. И что корова понравилась. Позвони мне в понедельник. Нужен хороший юрист»... «Конечно, увидимся. Телефон ты нашел. Звони в любое время»... Всё это было позади. И весь мой собранный по кусочкам вчерашний день...

...И были позади все тридцать семь лет моей странной жизни...

...А я был спокоен... ничего ещё не кончилось...

Мой Питер

Ода

Мой Питер?.. Ну что вы?! Мой Питер – это не промозглый Питер Достоевского, где целой семьей снимают «угол за занавеской» и пятилетние дети умирают от чахотки... Мой Питер – это не Питер интеллигентных и интеллектуальных пьяниц Довлатова... Мой Питер – не карнавал иронии Веллера... не Исаакиевский собор глазами японских туристов... не бесконечный Зимний дворец с распростёртой перед ним самой красивой в мире площадью... не каналы, не мосты... не белые ночи... и совсем не Чижик-Пыжик...

Мой Питер... это три поездки... две улицы... и один человек...

Ну хорошо. Улиц, наверно, не две. Больше. Там есть Московский проспект, по которому все мы въезжаем в этот город из аэропорта. Потрясающий. Монументальный. Памятник великой стране. И там, конечно, есть Литейный и Лиговский. Но я не помню, что на них происходило. Что-то было, конечно, как без них? И конечно, это то, что связывает две главные улицы моего рассказа – Невский и Гороховую. Может, канал Грибоедова? Или набережная Мойки? Или Фонтанки? Для Макса все эти три улицы одинаковы – в том смысле, что каждая из них в разное время замыкала собой этот треугольник – Невский, Гороховая, ну и набережная.

Что ещё важно? Ну, чтобы вы представляли место действия? Просто я не буду рассказывать конкретно – где и что было, и как стояли, и какая была погода, кто шёл мимо или ещё что-нибудь – вся эта мелочёвка не укладывается в мой рассказ. Важно, что это было в Питере. А это ведь совсем особый город, и поэтому представлять вам, как, и что, и где там было, – надо.

Так вот... Конечно, магазин Зингера... огромный... он и сам-то огромный, да ещё в два этажа. Стеллажи, стеллажи книг. Там, на втором этаже, где окна выходят на Невский, он как-то вдруг незаметно превращается в ресторан. Но не это главное... Люди. Их много. Они проходят между стеллажами книг, они стоят, они читают форзацы, листают сами книги. И ещё – там, у кассы, очереди. Макс, и Петров, и я – мы были в этом магазине в разное время, но, не сговариваясь, отметили – как же много людей. В Москве не так. Да, в нашей любимой Москве и книжные-то закрываются. Вон, хотя бы на Гоголевском?! Огромный же был магазин. И хороший...

Такие вот дела... Что ещё?! Ну «Литературное кафе». Как раз-таки на углу Невского... и чего там? Не помню. За время поездок Макса в Питер там многое изменилось. Если уж называть своими словами – испортилось. В первую очередь – кухня. Официанты так же вышколены, вежливы. В белых перчатках и фартуках. И так же кто-то играет на рояле. Но кухня?! Что-то, конечно, осталось... щи по-Петровски, ещё что-то... но так, по мелочи. В основном классическая европейская кухня. Главное же – умер тот старичок, что ходил между столиками и рассказывал о Пушкине. Вообще, считается, что именно из этого кафе поэт и поехал на свою последнюю дуэль. Их, как известно, было немало. Штук эдак тридцать. Но дело не в этом... Старичок ходил между столиками и как-то ненавязчиво, что-то спрашивая, вдруг втягивал вас в разговор, вынуждал задавать вопросы... и потом уже сам рассказывал, а вы слушали его мягкий негромкий голос. Свободно плывущий рассказ. И вам не хотелось, чтобы он замолкал. Я не знал, откуда он там взялся. Видел в своих поездках. В последнюю, когда многое уже испортилось, и я это знал, пошёл туда именно ради него. «А он умер недавно», – сказали мне. «Вот скоро пригласим другого». Так я узнал, что это был не просто посетитель, а нанятый актер театра. Если бы я узнал это раньше, не было бы такого очарования. И не слушал бы я его... А теперь было грустно. И что он – просто выполнял свою работу. И что – умер. Я развернулся и ушёл.

Ещё площади. Сенатская. Она запомнилась Максиму именно зимой. А вот Дворцовая площадь, она была в разное время и с разными женщинами... «Будда-Бар». Но он – один раз. Во вторую поездку. Запомнился и сам по себе. И тем, как наблюдали с Юлией за разводом мостов с его ступеней. Юлия – это вторая любимая женщина Макса. Но тогда он ещё не знал, что её любит. Им нужно было расстаться, чтобы это понять. Был чудесный весенний вечер. Середина недели, и бар почти пуст. Лишь несколько девиц, да скорее, уже женщин, двумя или тремя компаниями расположились в середине зала. Ни внешностью, ни своими нарядами они до его Юлии не дотягивали. Как-то слишком манерны были эти их платья в пол. Неуместны. А Юлия – в своих рваных джинсах, ботиночках с розовыми шнурками, пышном платке-шарфе вокруг шеи и плеч – она была хороша. И женщины всё время оборачивались на них. Ну понятное дело – сперва на неё, а потом на Макса. Наверное, думали – что между ними? Немолодой же уже мужчина, как бы хорошо за собой ни следил. И яркая девушка, чья рука каждую секунду где-то на нём, с ним – обнимает за плечи, касается его руки, опирается на его колено, перебирает волосы. Что между ними?! Да им просто хорошо было! Они сидели за стойкой, и когда барменша, спросила: «Вам что?» – они посмотрели друг на друга, и Макс сказал: «На ваше усмотрение. Чем бы вы сами гордились?». И та готовила изо всех сил. Расстаралась прямо. Она показала им все примочки – и как наливать через руку, с таким необычным вывертом. И как отделять желток от белка одной рукой. И как, и когда, и в какой последовательности смешивать. Они весело болтали. К стойке больше никто не подходил. Барменша была из Ростова. Закончила ВГИК, режиссёрский факультет. Но вот нашла себя в этом. Скоро собиралась в Екатеринбург. Нигде подолгу не работала. Говорила – ездит, смотрит, учится. Когда-нибудь откроет свой бар. На руках у неё были татуировки, от самых пальцев и вверх. Макс не очень любил татуировки у женщин. Долго запрещал и Юлии делать. Хотя ей шло. Им обоим шло. Где-то в середине вечера, когда вышли смотреть, как разводят мосты, и стояли на высоких ступенях, прямо у входа, наблюдали – как подъехал «S 600» и оттуда, с заднего сиденья, выполз полный такой батюшка, скинул прямо на улице рясю, да ещё прямо на асфальт, напялил пиджак и, шатаясь, двинулся к бару. Было как-то странно это всё.

Воспоминания о том вечере Макс не хотел портить и в следующую свою поездку, уже с совсем-совсем другой девушкой, в «Будда-бар» не пошёл.

Это, как ему казалось, было бы осквернением памяти. Конечно, Макс такого слова ни в мыслях, ни вслух не произносил, но именно что-то подобное крутилось внутри. Хотя тогда вопрос – зачем вообще потащил её в Питер? Где дважды был так счастлив?! Хотел забыть Юлию?! Хотел сам себе сделать больно? Этим сравнением? Прошлого и настоящего? Сравнением, в котором, кто бы и когда его ни производил, выигрыш всегда определён заранее?! А с Юлей кого хотел забыть?! Макс вообще был слишком заморочен на тему памяти...

Ему бы к психиатру сходить, что ли, а?! Ну или к психотерапевту. Ведь кладёшь же всего! Все вот эти рефлексии, или как там это называется – я могу путать. Армии ведь тараканов в голове. И они маршируют по каждому поводу. Воюют. И ведь часто сами с собой. Ну это если повода нет. Такая вот, типа, шизофрения. Тянет куда-то, а прошлое не пускает... А может, хорошие писатели и должны быть такими? В их тараканских полках мы узнаем шайки своих мелких таракашечек? Таких... шуршащих в темноте вдоль забора. Их, наших с вами тараканов – тараканов обычных людей – не ждёт гибель в бою... И мы плачем над армиями погибших – чужих... плачем, что не наши... не у нас это всё внутри произошло... родилось, взрастилось и погибло... И тогда мы набираем номер, причём набираем по памяти... номер, которым не пользовались лет двенадцать... набираем и, когда там ответят, говорим: «Привет... это я... как ты?!».

Сейчас лето. Странное, холодное питерское лето. Ночь. Макс идёт по Невскому. Ему нужно дойти до ближайшей набережной, свернуть направо и выйти к Гороховой. И уже

по ней... пройдя мимо двух отелей на противоположных сторонах улицы... постояв возле каждого, поозиравшись, выйти к Адмиралтейскому проспекту.

Полчаса назад он вышел из душа. Она спала. Макс вздохнул с облегчением... Я позже скажу, как её звали. Сейчас рано. Тогда придётся что-то ещё о ней говорить, и она станет вырисовываться в ваших глазах человеком. Придётся объяснять что-то о ней. Рассказывать, почему лежит сейчас совершенно... ну, может, не совсем уж совершенно, но изрядно – пьяная. А эти детали, на самом деле очень важные, именно сейчас – лишние... Просто знайте, Макс вздохнул с облегчением – сексом заниматься не придется. А как?! Если весь вечер, как раз с поездки на такси по Московскому проспекту и началось это раздражение. Всё было не так. Вот всё. Оно вроде как и понятно – другой человек и должен бы себя вести по-другому. Он-то чего хотел, ненормальный?! Чтобы её слова были точь-в-точь как те? Которые произносила другая? Несколько лет назад?! И это прикосновение с заднего сидения к его волосам? Как взлохматила их. Наверняка от переполняющей радости! Но это движение и ощущение от него... оно было совсем другим... Совсем не Юля... Юля перебирала его волосы – он ясно это помнил, а эта... взлохматила, по-другому не скажешь. И это не нравилось. Как всегда, сравнение прошлого и настоящего было не в пользу того, что сейчас... И как он мог с ней заняться в этот же вечер сексом?!

Наверное, вам не очень понятно?! Да... Ну... давайте я по-другому...

Максу было лет тридцать, когда он встретил первую любовь всей своей жизни. Году, наверно, в 95-96-м, как-то так. Мы все тогда только оправились от страшного начала десятилетия. Что-то у нас получалось в жизни, куда-то мы двигались. А главное – были молоды. А Максу ещё и повезло по-настоящему влюбиться. Что называется, с первого взгляда. Прошло уже семнадцать лет, и наверно, он не вспомнит, как она выглядела в тот день. Да и лица не вспомнит. Для этого придется смотреть на фотографию. Она там совсем девочка же. Хотя это обманчивое ощущение. Просто глядя на эту фотку, на себя рядом с ней, Макс понимал, как он изменился, каким был и каким стал. И воспринимая себя на ней как совсем молодого человека, он и на неё теперь смотрел как на девочку. Хотя она была ненамного моложе его – те же идеальные двадцать пять лет... Да. И вот они любили. Так вышло, что всё у них кончилось – не дойдя до кухни. Ещё в тот чудесный период, когда они дышали друг другом. Хотя если бы кто-то их спросил: вместе или врозь, – наверно, оба, не сговариваясь, ответили бы: «Да, конечно. Навсегда»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.